

В плѣну стихіи

В редакцію «Новаго Града» прислана, с большим опозда-
ніем, отпечатанная на машинкѣ большая статья, подписанная
Н. Устряловым и датированная: Харбин, Февраль 1932.
Мы не знаем, была ли и гдѣ именно напечатана эта статья,
хотя рукопись носит помѣтку, что она «появилась на Д. Во-
стокѣ». Статья озаглавлена «Новый Град» и посвящена крити-
ческой оцѣнкѣ нашего журнала (на основаніи двух первых его
номеров). Нужно признаться, статья написана блестяще, как
почти все, что выходит из-под пера этого талантливаго публи-
циста, и с такой «куртуазностью», какой мы вовсе не избало-
ваны со стороны наших критиков. Он очень остро нащупывает
— признаемся и в этом — самыя слабыя мѣста нашей позиціи,
в то же самое время обнажая и самого себя. Спор с ним, дѣй-
ствительно, помог бы и дальнѣйшему уясненію основ нашей
все еще не для всѣх ясной борьбы, и раскрытію первороднаго
грѣха многих «смѣновѣковских» в широком смыслѣ увлеченій.

Мы вынуждены, отвѣчая Н. Устрялову, много цитировать
и подробно излагать его статью, которая осталась неизвѣстной
эмиграціи в Европѣ. Надѣюсь, читатели не постѣют на это,
в виду дѣйствительно большого интереса его мыслей.

Н. Устрялов начинает с сочувственных выдержек из «Но-
ваго Града», — с его точки зрѣнія, за здравіе, чтобы кончить
за упокой. Для него «Новый Град» грѣшит половинчатостью.
Он путается в борьбѣ стараго міра с новым. «Новый Град, ко-
нечно, — дитя сумерек и, вѣроятно, скорѣе вечерних, нежели
утренних. Авторы мечутся, ища себя. Вѣрные вѣчности, они
теряются в потоках и хаосѣ временнаго. Корни их душ — в
ушедшем днѣ. Но их великое преимущество — честное осо-
знаніе: день дѣйствительно ушел. Они ищут новаго творческа-
го слова, способнаго двигать горы — и не находят: время шу-

мит не их языком, ведет к обителям вѣчности (!) не их дорогами». Таково послѣднее слово Н. Устрялова о нас. Оно вытекает из начального сдѣланнаго им выбора: не со старым миром, а с большевистской Россіей. Такая позиція принципиально не допускает «третьяго пути», поисков новаго града, отличнаго от двух противостоящих. Все третье, новое, искомое кажется половинчатым, «непослѣдовательным». В этой непослѣдовательности Н. Устрялов и уличает нас.

Сначала он сочувственно цитирует нашу характеристику распада капиталистическаго міра. Он недоволен однако, что «камни, из которых он построен, оказываются цѣлы» и послѣ катастрофы. Этими старыми камнями, из которых мы воздвигаем новый град, Н. Устрялов признает «либеральную идею политической свободы», «соціалистическую идею общественно-хозяйственной справедливости» и «христіанскую идею абсолютной истины». В этом Н. Устрялов прав: мы хотим строить именно на этих камнях. Мы не боги и не способны на творчество из ничего. К тому же мы знаем, что, по крайней мѣрѣ, один из этих камней является краеугольным для всякаго истиннаго града. Впрочем, из дальнѣйшаго видно, что сам Устрялов для своего построения удерживает, по крайней мѣрѣ, два из старых камней, отказавшись лишь от политической свободы.

С еще большим сочувствіем Н. Устрялов цитирует тѣ отдѣльныя сужденія новгородцев, которыя могут быть истолкованы, как признаніе извѣстных достижений и извѣстной силы большевиков. Это тѣ самыя признанія, за которыя «Новый Град» подвергся почти всеобщему обстрѣлу эмигрантской прессы. Здѣсь и констатированіе Степуном «производственно-технических успѣхов Совѣтской Россіи» и убѣжденіе Бунакова в «прочности совѣтской системы», в том, что «хозяйственное развитіе само по себѣ не ведет к ея паденію», в том, что она «копируется на миллионныя кадры... слѣпо вѣрящих в правду своего ученія людей». Наконец, Бердяев со своим «парадоксом свободы», с признаніем противорѣчивости свободы и допущеніем особаго пониманія свободы в Совѣтской Россіи.

В полном согласіи со всѣми нашими критиками, Н. Устрялов считает, что эти наши высказыванія «неприличны для догма-

тического эмигрантского сознания». Это «вольнодумная брешь в застывших редутах зарубежной крепости. Две брешь — изнутри». Здесь уже сочувствие Н. Устрялова становится ядовитым. Он не прочь выдать нас головой нашим обвинителям, офицерам осажденной крепости, и выставить нас в качестве бессознательных изменников антибольшевистского фронта. «Как быть людям, досель ополчавшимся на большевиков по основаниям социально-политическим? — Очевидно, им следует сложить оружие и прекратить борьбу... Как быть и тем, кто до сего времени черпал свой антибольшевизм из народолюбческого источника?.. Каково, наконец, положение тех, кто ненавидел большевиков за их недопустимое отношение к личности и свободе?»... «Конкретно политические утверждения сборника заряжены подрывной силой и чрезвычайно рискованы для традиционной атмосферы эмигрантского сознания». — «Они (т.-е. мы) стремились укрепить антисоветскую борьбу незыблемым фундаментом небесных ценностей, — на деле они подрывают земные аргументы борьбы... Они обильно питают в своей среде настроения пессимизма и катастрофизма... Они ставили своей задачей дать новую действительную программу эмигрантскому народу, оживить «безжизненные и худосочные» эмигрантские политические организации, — и на деле они им наносят еще один тяжкий удар, дезориентируя их сознание и парализуя их волю». Таков отрадный для Н. Устрялова и тяжкий для нас вывод из нашей позиции к Советской России. Мы не сомневаемся, что под этой оценкой подпишутся обеими руками большинство эмигрантских политиков. Мы понимаем, что совершаем донкихотскую неосторожность, давая им в руки такое оружие против себя. Без нас, кто прочитал бы здесь статью Н. Устрялова? Но мы принимаем вызов, и постараемся показать, почему мы считаем нашу установку антибольшевистской и при том единственно правильной.

Во всякой борьбе утешительно представлять своего врага как можно более гнусным и как можно более слабым. Для малодушных часто это единственная возможность стоять в рядах. Такая установка, несомненно, психологически облегчает борьбу. Вот почему она поддерживается всегда во вре-

мя войны, и никакая ложь не кажется достаточно грубой, чтобы подкрепить ею падающий дух армии. Однако, полезное психологически, субъективно, оказывается объективно вредным. Если не рядовые, а полководцы проникаются такой лубочной психологией (примѣр русско-японской войны), то это вѣрный путь к поражению. Надо знать силы врага и его дѣйствительно уязвимыя мѣста. Этот лубочный примитив антибольшевистскаго плаката, против котораго мы боремся, уже нанес и продолжает наносить страшный вред эмиграціи и ея дѣлу: он изолирует ее и от Запада и от Россіи. Ни одно серьезное иностранное изданіе, даже антибольшевистскаго направленія, не рѣшается обращаться за информацией к эмигрантской прессѣ. Западный читатель требует информации из большевистских источников. Он знает о их тенденціозности, но онѣ импонируют ему своей автентичностью. Он надѣется — быть может, слишком надѣется — на свои критическія способности интерпретации, но не хочет, хотя бы ради безпристрастія, выслушивать другую сторону. Это печально, и для настоящаго времени даже несправедливо. В эмигрантской прессѣ, хотя далеко не всякой, можно сейчас почерпнуть превосходную информацию о Россіи — по первоисточникам. Но дѣло сдѣлано. Фантастическій бред долгих лѣтъ скомпрометировал надолго наш голос — единственный свободный голос Россіи.

С другой стороны, не один совѣтскій гражданин, вырвавшийся на свободу, приходил в ужас от того, что здѣсь пишется о Россіи. Помимо всяких цензурных рогаток, одна эта «клюква», которая долгое время безраздѣльно господствовала у нас, должна была закрыть доступ нашей печати в Россію. Эта печать углубила и без того глубокой, вырытый исторіей ров между двумя Россіями. Но совершенно ясно, что без взаимнаго пониманія, без самой тѣсной связи между коренной и зарубежной Россіей, для эмиграціи невозможно никакое участіе в политических судьбах своей страны.

Давно пора отрѣшиться от военной психологіи. Войны нѣтъ, и солдат надо перевоспитать в граждан. В граждан-революціонеров, конечно, ибо родина не дает нам сейчас иных путей служенія ей, кромѣ освободительной революціи. Но для

новой борьбы, в новых условиях, прежде всего надо открыть глаза, надо уметь видеть Россию — пристально, неотступно следить за изменениями ее трагического лица.

Но это — к читателю-эмигранту. А вот к Устрялову. Вы, повидимому, думаете, что, когда мы скажем всю правду о России, у многих не будет уже мотивов для борьбы с диктатурой. Вы ошибаетесь. Наше противление имеет не только религиозные основания. Признание частичных технических успехов пятилетки не означает ее хозяйственного успеха. Вы умышленно не делаете разницы между техникой и хозяйством. Быть может, самое ужасное явление в Советской России — это колоссальное расхождение между техникой и хозяйством. Половина государственного бюджета вкладывается в промышленность, а население раздто и разуто. Русские поля вспахиваются тракторами, а мужики идут в город за хлебом, где хлеба не хватает и на голодный паек. Мы полагаем, что строить гиганты-заводы ценой голода и разорения миллионов, ценой разстрелов и ссылок в Соловки сотен тысяч — значит платить немножко дорого за индустриализацию России. Тем более, что эта индустриализация шла уже достаточно быстро до революции, и именно коммунистическая революция оборвала ее естественный рост. Строить промышленность террором все равно, что ликвидировать безграмотность разстрелами. Мы считаем это преступлением.

Мы признаем, что большевики вознесены на верх власти волной народной революции, и что держатся они не только на штыках, но и на энтузиазме и дисциплине правящего отбора: партии, армии и молодняка. Этого не достаточно, чтобы признать их власть народной. Давно уже народные массы, и рабочие, и крестьяне, из деятелей революции стали ее жертвами. Мы не можем признать ни демократическим, ни «демотическим», ни просто человеческим тот строй, где 140 миллионов, лишенных всех прав, отданных в полное рабство 10 миллионам строителей, стали только объектом истории, орудием чуждых им целей. И, наконец, зная всю сложность понятия «свободы», всю безотрадность свободы без истины и без хлеба, мы не позволим совершенно обезсмыслить свободу или свести ее только к ме-

тафизической, неотъемлемой реальности. Н. Устрялов справедливо чувствует в защитѣ свободы главный жизненный нерв «Новаго Града» и, возвращаясь еще раз к этой темѣ, нападеніем на свободу заканчивает свою статью. Сам он принимает только метафизическую свободу, сочувственно цитируя слова Бездухова в обстановкѣ французскаго плѣна: «Связать меня, мою безсмертную душу!». — «Философское утвержденіе этой высшей метафизической свободы не имѣет ничего общаго с апологіей свободы политической». Нѣтъ, имѣет г. Устрялов, хотя связь политической и метафизической свободы не является непосредственной. Связью и посредством между ними является свобода исповѣданія, свобода изслѣдованія и проповѣди истины, без которой нѣтъ человѣческаго достоинства, — по крайней мѣрѣ, в христіанствѣ. Великодушно уступая метафизическую свободу, вы обрекаете героев на мученичество, а массу на отступничество и предательство истины. Всѣ обычныя ссылки на классическія эпохи исторіи, лишеныя свободы, бьют мимо цѣли, ибо «классическія» эпохи были эпохами цѣльности, построенными на единствѣ истины. Массы имѣли эту свободу — исповѣданія общей истины. Для отщепенцев — пророков — героев оставался путь мученичества. В наши дни единство истины невозможно, и насильственное внѣдреніе ея — или принявшей ея облик лжи — означает предательство для большинства, глубокую деморализацію народа.

Среди основаній для непріятія большевистской диктатуры Н. Устрялов не указывает этого, чисто моральнаго момента. Мнѣ кажется, можно признать и простить многое и в социальном разрушеніи и строительствѣ большевиков, но никогда нельзя простить того глубокаго и страшнаго искаженія народной души, какое ведет за собой их режим. В большей степени, чѣм проповѣдь матеріализма и безбожія, чѣм сознательное разрушеніе семьи, эта деморализація связана с необходимостью общей лжи и предательства, с проникновеніем политическаго ссыска в самыя нѣдра народной жизни. Нужно лгать, чтобы жить, соучаствовать в предательствѣ, чтобы сохранить кусок хлѣба. Сколько должно пройти лѣтъ, чтобы изгладить эти рабскія морщины с лица Россіи!

Н. Устрялов, думается, не случайно замалчивает в своей статьѣ моральную тему. Это умолчаніе весьма характерно для его позиціи. Он охотнѣе выдвигает тему религиозную, чтобы обличать «Новый Град» в одном тяжком политическом грѣхѣ. Это грѣх смѣшенія абсолютнаго, религиознаго, и относительнаго, политическаго, планов. Другими словами, утвержденіе нашей политики на христіанствѣ.

С нѣкоторой двусмысленностью Устрялов сам становится на христіанскую точку зрѣнія: «Попробуем (!) это сдѣлать, признавъ для себя тѣ же высокія начала христіанскаго, вѣисповѣднаго духовнаго единства, которыя авторы («Новаго Града») считают общим своим знаменем». Из этого признанія, по мнѣнію Устрялова, не вытекает «раз навсегда конкретный образ поведенія в измѣнчивой гущѣ реальных жизненных отношеній». Для послѣдняго «требуется цѣлая сѣть дополнительных — относительных и условных критеріев. Историческая плоть пластична, многовидна, временно-пространственный процесс извилист и антиномичен, и в планѣ дѣющагося развитія нельзя говорить о социальнo-хозяйственной программѣ христіанства». В трагических конфликтах исторіи нельзя сказать, гдѣ была правда: на сторонѣ Галилея или его преслѣдователей, на сторонѣ короля, Робеспьера или Наполеона во время Великой Революціи. «Абсолютная правда нигдѣ и никогда в дѣлах человѣка не воплощается цѣ л и к о м. Она странствует в мірѣ сем». Вот почему бесполезно «апеллировать к небу и к христіанству, вмѣшивая их непосредственно в сутолоку текущей политической борьбы».

Одно из двух: или Устрялов ставит удареніе на цѣ л и к о м и непосредственно (подчеркнуто мною), — тогда это борьба с вѣтряными мельницами. Ибо, как он и сам догадывается, мы не толстовцы и хотим считаться с относительным, с исторической плотью. Или в его словах звучит невысказанный прямо отказ от всякаго не только религиознаго, но и этического критерія в оцѣнкѣ исторіи. Дальнѣйшее дѣлает послѣднее пониманіе наиболѣе вѣроятным. Мы знаем, что многіе из православных наших политиков готовы поддерживать этот тезис Устрялова. Не удивительно. Он очень облегчает полити-

ческого дѣятеля, освобождая его от всякой оглядки и от всякаго контроля совѣсти. С ними «мальчики кровавые в глазах» не смѣют уже являться царю Борису. Можно выбирать свой стан и свое оружіе, руководясь исключительно своим «вкусом».

В противоположность этому, мы убѣждены, что христіанство может и должно еще сказать свое слово в исторіи, — значит, и в политикѣ. Конечно, в христіанствѣ нѣтъ раз навсегда данной программы, кромѣ максимальной — Царствія Божія, но если в христіанствѣ есть (и не может не быть) этическое отношеніе к личной жизни (при всем различіи этических норм и даже «стилей»), то есть и общая этико-религіозная установка к социальному міру — с точки зрѣнія той «правды», о которой говорит и Устрялов. Это этическое отношеніе к міру имѣет свои границы, очень узкія подчас; историческая плоть сопротивляется этическому ея оформленію. С ней нужно считаться. Так рождается этика наименьшаго зла, или, как предлагает Устрялов, «наибольшаго добра». Историческій путь дѣйствительно ведет по извилистым дорогам. Галилей и даже Робеспьер (в оцѣнкѣ Карлейля) могут быть дѣйствительно ближе к пути христіанства, чѣм их церковные противники. Но вот на чем мы стоим твердо. Во-первых, наш основной выбор пути или стана в борьбѣ должен опредѣляться именно религіозно-этическим критеріем цѣлей, проведенным сквозь социальную данность. Во-вторых, в нашей борьбѣ мы обязаны серьезно считаться с законом наибольшаго добра или наименьшаго зла.

И вот, переходя от обороны в наступленіе, я хочу показать, что, несмотря на нѣкоторыя обмолвки Н. Устрялова, он отказывается «от подданства» этической идеѣ и находит для себя совершенно иные критеріи, по ту сторону добра и зла. Эти критеріи он сам вскрывает с большой откровенностью и искренностью убѣжденія. Весь паѳос его говорит о том, что здѣсь мы прикасаемся к самому подлинному и глубокому в Устряловѣ-политикѣ. Здѣсь же, по нашему убѣжденію, ключ ко всему идейному «смѣновѣховству» и духовный водораздѣлъ между ним и «Новым Градом».

Н. Устрялов не все одобряет в том, что совершается в Россіи. «Многое нам чуждо в современном обликѣ нашей

родины (к чему лукавить?). Многое кажется ненормальным, досадным, противорѣчащим нашему интеллектуальному, моральному и эстетическому вкусу. Мы знаем, что многим дорогим для нас идеям сейчас нѣтъ мѣста в нашей странѣ. Мы знаем также, что кончается самый наш тип, психологическій тип стараго русскаго интеллигента». Что самое замѣчательное в этой оцѣнкѣ, это не ея странная мягкость, но умышленное отсутствіе этических категорій. «Чуждо», «ненормально», «досадно». — Почему не «жестоко», «подло», «преступно», «грѣшно»? С чуждым, досадным мы должны мириться. Как говорит Устрялов, нельзя быть «эгоцентристами». «Нужно взглянуть шире и выше, по ту сторону нашей собственной драмы». Да, но не по ту сторону нашей собственной истины. Мы можем и должны примириться с исчезновеніем «типа» интеллигента и его «строя» жизни. Но не с исчезновеніем жалости к человѣку, совѣсти в соціальной жизни и т. д. Как будто рѣчь идет о нас, а не о том, что выше нас, чему подчинить мы должны и себя и окружающій мір. Положительно Н. Устрялов смотрит на свою истину и свою мораль, как на свой воротничек или галстух, от которых приходится отказываться ради рабочей косоворотки.

Отказаться во имя чего? «Нужно зажечь имманентной логикой совершающагося. Нужно воспринимать дѣйствительность динамически, приобщаясь к ея движущемуся разуму. И чѣм глубже погружаешься в ея стихію, чѣм пристальнѣй всматриваешься в окружающее, тѣм настойчивѣе диктуется сочувственное вниманіе к огромному и страшному процессу, творящемуся перед нами. И тѣм насущнѣе задача найти критеріи, методы познанія и слова, способные достойно выразить смысл и сущность этого процесса. Это выраженіе должно быть безкорыстным в самом высшем смыслѣ этого слова».

Какія значительныя и страшныя слова! В них человѣкъ отказывается от своего суда над дѣйствительностью, от своей свободы перед ней, от своей души, — готов раствориться в процессѣ, отдаться без конца во власть стихій. Что же оправдывает это духовное самоубійство? Вѣра в имманентный ра-

зум, присущий процессу. Разум стихий, «огромного и страшного» процесса выше, правде моего личного разума. Откуда это? Неужели из христианства? Нет, это из Гегеля. Оптимизм Устрялова, обожествление действительности, столь изумительное в наше трагическое время, имеет свои корни в этой имманентной философской религии, которая соблазнила некогда наших юных дедов. Ну, а если процесс обманет? Если он кончится тем, чем кончается всякий процесс природного бытия — т.-е. смертью? Можно ли изнутри обрушившейся на мир катастрофы — войн, революций, борьбы всех против всех — предвидеть безошибочно конец? Рождение новой культуры или гибель старой: гибель социализма, гибель России вместе с обломками старого мира? Неужели такая возможность никогда не приходила в голову Устрялову? Он скажет на это: чтобы жить, надо поверить в благой исход. Нет, чтобы жить, надо разделять силы, ведущие к спасению и к гибели. Ибо то, что представляется процессом, т.-е. движением, течением реки, есть всегда жестокая и напряженная борьба между силами разрушения и силами созидания. И что самое главное: раздѣл между этими скрытыми силами проходит не по линии сил социально оформленных. Устрялов сам признает, что в мировой войне «правда» не была цѣликом ни в одной из борющихся коалиций народов. Так и в борьбѣ классов и социальных систем творческое, положительное начало жизни (я говорю сейчас уже не о правдѣ, а о жизни) не совпадает ни с буржуазией ни с пролетариатом. Кажется, опыт наших дней с совершенной ясностью показал, что и буржуазия и пролетариат, предоставленные стихии, т.-е. слѣпой игрѣ своих страстей и интересов, ведут человечество к гибели. Устрялову, чтобы спасти свой «имманентизм» в мирѣ, расколотом антагонизмами, необходимо отождествить один из элементов борьбы с мировым процессом в цѣлом. Практически это почти то же, что отождествление Сталина с мировым Разумом. Или вѣра в то, что этот Разум избирает единственным (почему?) своим рупором, громкоговорителем — говоря болѣе современно — голоса коммунистических радио-станций. Таково, действительно, учение современной русской философской школы марксистов, которые в

этом отношеніи лишь доводят до абсурда старое, консервативное гегельянство.

Но Н. Устрялов не разлагает себя излишними рефлексами и с упоеніем отдается дѣйствительности. «И когда, отдавъ себѣ отчет во всей этой прихотливой изогнутости всемірно-историческаго развитія, вдумываешься в русскія событія текущих лѣтъ, в не бывающую перестройку страны, в переплавку самого человѣка, в этот широкій, вселенскій замысел, устремленный в будущее, в этот радостный взрыв народной активности, быть может, в какой-то мѣрѣ «безумный» и в каком-то смыслѣ «грѣховный», но в то же время и героическій, жертвенный, творческій, — проникаешься просвѣтленным пониманіем нашего революціоннаго комплекса и созерцательным сочувствіем его историческому лейт-мотиву». Несмотря на кавычки и оговорки, Н. Устрялов видит сам безуміе и грѣховность эпохи. Но он заморожен ея огромностью. Количество перевѣшивает для него качество. Динамизм, т.-е. голая воля, важнѣе самого содержанія этой воли. Устрялов забывает, что спазмы сладострастія имѣют разительное сходство со спазмами смерти.

Гегельянскій — я бы сказал, суевѣрный — оптимизм Н. Устрялова подсказывает ему странные силлогизмы. «Если новгородцы правы, и старый город дѣйствительно терпит крушеніе, историческое явленіе большевизма не может не восприниматься, как закономѣрное и осмысленное... Совершенно очевидно (!), что именно при его посредствѣ, именно в СССР из пепла и пыли рождается новый мір, как и «образ новаго чело-вѣка». — Почему очевидно? И откуда? Для меня этот образ «новаго міра» и особенно образ «новаго чело-вѣка» есть образ смерти. Даже если бы замысел его и осуществился, это было бы побѣдой смерти над жизнью: над духом, над творчеством, над чело-вѣком. Разсматриваемое внѣ-морально, исторически, явленіе русскаго коммунизма может быть понято, как один из моментов разложенія стараго міра. Что в нем присутствует воля к рожденію, согласен. Но в бореніи с коммунистической идеей и властью, побѣждаемая ею, эта воля не способна окра-

суть в цвѣта жизни смертоносный процесс. Если роды, то неудачные, кончающіеся мертворожденным выкидышем.

Устрялов разсуждает так, как будто бы, кромѣ русскаго коммунизма и капиталистическаго либерализма, не дано ничего третьяго. Станным образом он забывает о фашизмѣ, который сейчас является третьей силой, приблизительно одинаковой двум другим по мощности и силой экспансіи не уступающей коммунизму. Грубо эмпирически фашизм скорѣе может быть разсматриваем, как историческая равнодѣйствующая между двумя борющимися тенденціями, уже доказавшими свое безплодіе. Для нас фашизм отмѣчен пороками того и другого міра, и имѣет слишком мало подлинно творческаго. Но почему «процессу» социальной революціи, внутри котораго мы живем, остановиться на этих уже выявившихся возможностях, когда каждый день (см. Германію) приносит новыя, совершенно неожиданныя (хотя, увы, чаще всего мрачныя) формы. «Если бы сейчас большевизм погиб, из міра бы вышел существенный и плодотворный возбудитель обнадеживающаго броженія... Без русскаго Октября картина поздняго капитализма и перерзѣлой демократіи была бы еще болѣе безотрадной, нежели она выглядит теперь в изображеніи новоградцев». А что, если наоборот? Есть всѣ основанія думать, что провалившійся опыт с коммунизмом в Россіи оказывает реакціонное давленіе на западный мір. О, мы знаем, конечно, что в Европѣ много дураков и наивных людей, которые принимают на вѣру московскую рекламу. Но за то освѣдомленные и осторожные люди связываются в своих конструктивных стремленіях. Как разоружаться перед лицом краснаго имперіализма? Как вести рабочих на борьбу за социализм, когда коммунизм перехватывает революціонную энергію на дѣло провокаціи и разрушенія? Партіи реакціи однѣ используют умно московскій опыт, соединяя с корыстным дѣлом защиты своего достоянія защиту невинных, защиту совѣсти, свободы, христіанства. Мы убѣждены: «если бы большевизм погиб», мір с несравненно большей легкостью вышел бы на путь социальных исканій. Ибо дѣло сегодня, вѣдь, именно в исканіях, в творествѣ, в изобрѣтеніи, а не в борбѣ, не в грубом столкновеніи сил.

Каковы положеніе и задача «Новаго Града» в современной революціонной ситуаціи? Н. Устрялов пишет, что «за ним нельзя и некуда итти, — развѣ лишь в личное нравственное самоуглубленіе и розовое религіозное проповѣдничество». Насколько он прав в своем указаніи слабости конкретных жизненных рѣшеній, предлагаемых «Новым Градом», настолько ошибается, предполагая у нас особую склонность к личному морализму. Наша задача — участіе в работѣ исканій новаго общества. Не одни большевики заняты проблемой реконструкціи. В кругах христіанских церквей, социалистических и даже либеральных партій, в кабинетах ученых и экономистов-практиков зрѣют планы, проекты, рѣшенія. У нас за спиной нѣтъ школы практической жизни, кромѣ отрицательной школы Россіи. Но собрать в нашем фокусѣ творческія стремленія міра (из которых не исключаются и отдѣльныя достижения фашизма и коммунизма и других опороченных систем), освѣтить и одухотворить их дыханіем единой Истины, и предложить их прежде всего здоровым элементам зарубежной молодежи для грядущей работы по возрожденію Россіи, — такова поставленная нами цѣль.

В противоположность новоградской, смѣновѣховская, в широком смыслѣ, позиція покоится на преклоненіи перед революціонной и національной стихіей. Я никогда не считал смѣновѣховскаго движенія простой «сдачей на милость побѣдителя», хотя продажные и корыстные элементы с самаго начала облѣпили идейное ядро его. В частности к смѣлому опыту Устрялова я отнесся с уваженіем и интересом. Я понимал его, как попытку вложиться в дѣло національно-буржуазнаго перерожденія октябрьской революціи, понятную в условіях новорожденнаго Нэпа. Эта смѣлая игра проиграна. Не Устрялов использовал большевиков для національной Россіи, а большевики использовали Устрялова (как и Савинкова). Оставалось честно подвести итоги. Но нѣтъ, Устрялов уже защищает социалистическій и міровой аспект русской революціи. Точно, в самом дѣлѣ, не важно, куда дежит путь русской корабль, — были бы только паруса наполнены вѣтром стихій.

Г. Федотов.